

Дважды жизнь моя кончилась — раньше конца —
Остается теперь открыть —
Вместит ли Вечность сама
Третье такое событие...

Эмили Дикинсон. Перевод Веры Марковой

Тогда

Она бежит через пустошь, бежит отчаянно, во весь дух. В небе над ней висит тоненький серп стареющей луны, а где-то далеко позади анемично желтеют огни деревни. Но она смотрит только под ноги. Она не видит ничего, кроме дороги, и слышит лишь собственное дыхание, со свистом рвущееся из пересохшего горла, да пронзительные вопли кувыркающихся в вышине чаек. Нет ни шума погони, ни криков, ни лая собак. Ей ничто не грозит. Можно успокоиться и перейти на шаг. Все уже позади.

Но она бежит. Она гонит себя вперед, шаг за шагом. Ноги по инерции несут ее все быстрее и быстрее, пока она едва не летит кубарем, точно марионетка, у которой лопнули нити. Где-то у горизонта мелькают фары машины, и тут ее накрывает. Внезапно она чувствует скованность, словно барахтается в вате. Ее руки и ноги продолжают работать, но они будто чужие, они двигаются самостоятельно, она больше не властна над ними. Она словно смотрит в подзорную трубу не с того конца.

Она хочет сделать вдох, вернуть себя в реальность, но теперь слишком поздно. Ее тело взбунтовалось. Она пытается остановиться, но уже не может.

И тут ее нога на что-то налетает. Где-то на краешке сознания вчуже всколыхивается смутная боль, тупая, как от сверла стоматолога после укола; она спотыкается и, как в замедленной киносъемке, начинает падать — словно погружается в вязкий ил. Руки вскидываются вперед, и она плашмя грохается на холодную землю — так, что воздух вышибает из легких, точно из бумажного пакета.

Она лежит неподвижно. И может пролежать здесь вот так целую вечность. Она видит себя со стороны, словно в документальной съемке. Тело распласталось в темноте, глаза широко раскрыты, губы посинели. Так завтра ее и найдут, замерзшую насмерть. И это не худший вариант.

Но нет. Она не готова умереть здесь, да еще таким образом. Ощущая внезапный прилив энергии, адреналиновый всплеск, она неуклюже поднимается. Потом идет, старательно переставляя ноги одну за другой, снова и снова, пока наконец не оказывается у перекрестка. Ее взгляд блуждает. Она дрожит, хотя страха не чувствует. Она вообще ничего не чувствует. Она опускает рюкзак на землю и вскидывает руку с поднятым большим пальцем.

В столь ранний час машин на дороге не слишком много. Они едут мимо, но вот одна все же останавливается. Водитель опускает стекло. Мужчина, разумеется, но не в ее положении привередничать.

— Куда, милая? — спрашивает водитель, но она не знает, что ответить: об этом она еще не думала.

Прямо перед ней словно вырастает Блафф-хаус, отчетливо вырисовываясь на фоне бледного неба, — огром-

ный, давящий, с одним-единственным освещенным окном на верхнем этаже. Она ни за что туда не вернется!

— Милая?

Она мотает головой; она знает, где хочет оказаться, но не знает, как туда попасть, необходимо дать хоть какой-то ответ, пока водитель не уехал.

— Куда угодно, — произносит она и, открыв дверцу, забирается в машину. — Куда угодно... Лишь бы подальше отсюда.

Веб-сайт газеты «Ивнинг стандарт», 14 марта 2011 года

НОВОСТИ КОРОТКОЙ СТРОКОЙ>

НА ПЛЯЖЕ В ДИЛЕ НАЙДЕНА НЕИЗВЕСТНАЯ ДЕВУШКА

ОЛИВЕР ДЖОНСОН | 0 КОММЕНТАРИЕВ

Полиция пытается установить личность девушки, которая была доставлена в больницу на прошлой неделе, после того как ее без сознания обнаружил на пляже города Дила, графство Кент, случайный прохожий.

Промокшую до нитки девушку, на вид 15–18 лет, при которой не оказалось никаких документов, поместили в больницу Королевы Елизаветы в Маргите, где ей был поставлен диагноз «переохлаждение». Придя в себя, она не смогла назвать врачам ни своего имени, ни места жительства или рождения. Также она утверждает, что ей неизвестно, каким образом она очутилась в приморском городке.

По словам медиков, подросток пребывает в состоянии чрезвычайного беспокойства, с ужасом реагирует на любое новое лицо и отказывается говорить. Врачи не обнаружили у нее никаких повреждений, а полиция заявляет, что нет оснований предполагать в этом деле криминальный след.

Пока доктора решают вопрос о необходимости дальнейшего лечения, пациентка остается в больнице. Если ее состояние

не улучшится, полиция, возможно, обратится к общественности за помощью в установлении личности.

Рост девушки, со слов медиков, составляет 5 футов 7 дюймов, телосложение плотное. Волосы каштановые, до плеч. Когда ее нашли, была одета в черную куртку, белый жилет и синие джинсы.

Нельзя спать. Я знаю это, это очевидно. Подобные истории у всех на слуху. Человек попадает в ловушку и в конце концов оставляет попытки спастись. Поддается усталости и закрывает глаза. Его тело отключается, и он погибает.

Но что делать, чтобы не уснуть? Этот вопрос неотступно крутится в голове.

Когда все произошло, я только-только въехала на вершину холма. Мертвое существо лежало на дороге, будто обесцвеченное, совершенно неподвижное, и, едва заметив тело, я поняла, что ни единого шанса объехать его у меня нет. Оставалось лишь ударить по тормозам и надеяться на лучшее.

Машина пошла юзом. Я увидела себя словно со стороны, как мог бы увидеть некий оператор, снимающий аварию для потомков, и задалась вопросом, выберусь ли из этой переделки живой. Мне представилось, как автомобиль медленно выписывает зрелищную кривую, прежде чем с тошнотворным треском врезаться в низенькую каменную ограду. Перед глазами мелькает сминающийся в гармошку капот, на мгновение все замирает и наступает абсолютная тишина, а потом кадр озаряет ослепительный пламенный шар.

Я горю заживо. Мою красную плоть пожирает огненное inferно, а затем меня окутывает блаженная прохладная чернота. Труп найдут обугленным до неузнаваемости. Им придется попотеть, устанавливая мою личность — по слепкам зубов или, может, по номеру кузова автомобиля, — но даже тогда они не узнают, кому сообщить о моей смерти. У меня никого нет. Соседка по квартире, которую я толком и не знаю, да бывший бойфренд, которому все равно.

Еще, наверное, Дэн, хотя его заинтересованность будет чисто профессиональной. Если история попадет в газеты, он скажет журналистам, что это очень печально. Какая трагедия. Карьера, оборвавшаяся на взлете, коллега, с которой приятно было работать, следующий фильм обещал стать настоящей бомбой, еще один талант, покинувший нас до срока. Бла-бла-бла.

Что-нибудь в таком духе. Они все запишут и напечатают на седьмой странице, если не подвернется ничего поинтереснее. Большого я не заслуживаю.

Впрочем, все, разумеется, было не так. Машину развернуло на девяносто градусов и выбросило в неглубокий придорожный кювет. Ремень безопасности впился мне в плечо, приборная панель понеслась навстречу, и зубы больно клацнули, а лоб впечатался в руль. Все вокруг померкло, и секунду или две в ушах стоял странный пронзительный писк. Когда я открыла глаза, в них двоилось. Черт, подумала я, только сотрясения мозга мне не хватало.

Но в следующий миг зрение прояснилось, и я взяла себя в руки. Фары не горели, а двигатель, хотя и с горем пополам, все-таки завелся. Все это сопровождалось пугающим скрежетом и едкой вонью паленой резины. Колеса завертелись.

Я сдалась и заглушила мотор. Воцарилась тишина, торфяники проглотили меня, не жуя. В помятом салоне было тесно и не хватало воздуха, я заставляла себя дышать.

Ну почему именно здесь? Ближайший городок остался во многих милях позади, до следующего, куда я направлялась, еще ехать и ехать. За последние полчаса я не встретила на дороге ни одной машины, и телефон тут наверняка тоже не ловит, можно даже не проверять.

Я попыталась найти в ситуации хоть один плюс: я не ранена. Оглушена, но жива. Костяшки пальцев, сжимавших руль, побелели до полной бескровности, кожу щипало от холода. Нужно что-то делать. Пешком дойти невозможно, но и сидеть здесь до скончания веков тоже нельзя. К тому же то, из-за чего я улетела с дороги, никуда не делось.

Камера лежала на пассажирском сиденье, и я инстинктивно к ней потянулась — я же ехала снимать фильм. Я собралась с духом и открыла дверцу машины. В нос ударил густой запах разложения. К горлу подкатила тошнота, но я усилием воли подавила ее. Мне доводилось чувствовать вонь и похуже — или как минимум столь же отвратительную. К примеру, во время съемок моего первого фильма «Черная зима». Я тогда ночевала на помойке. Жила среди смрада протухшей еды, открытых ран и гнойных нарывов, одежды, которую не снимали так долго, что она вросла в гниющую плоть, вместо того чтобы ее защитить. По сравнению с этим здесь сущая ерунда, всего лишь мертвое животное, истекшее кровью в грязном снегу.

Времени даром я не теряла — включила камеру и принялась снимать. И мгновенно успокоилась. Теперь

появилась цель. Меня охватила особая отстраненность, которая уже успела стать привычной с тех пор, как я впервые заметила ее. Она появилась, когда я жила на улице вместе с девочками, снимая их для «Черной зимы». Я становлюсь невидимым наблюдателем. Могу переключаться между крупными и мелкими планами, на ходу перестраивать кадр, но все это художественные решения. Я всего лишь бесстрастный регистратор, а не действующее лицо. Меня вообще нет.

Это была овца со слипшейся грязной шерстью. Что-то темное и желеобразное — судя по всему, кровь, хотя в тусклом свете она показалась машинным маслом — пятнало верхнюю четверть ее туши. Я присела, чтобы она попала в кадр вместе с узкой полоской горизонта на заднем плане и звездным небом сверху. Под таким углом стало видно, что шея у нее свернута, а морда перепачкана черным. Из разодранных губ на лед сочилась розоватая сукровица; глаза напоминали два стеклянных шарика. Я начала дрожать, ведя камеру вниз вдоль брюха несчастного животного к источнику отвратительной вони: рваной ране в боку, из которой вываливались темные дымящиеся внутренности. Когда я наехала на овцу, она, скорее всего, уже была мертва, но у меня все равно мелькнула смутная мысль, не из-за меня ли отверзлась рана, не я ли совершила над беднягой это самое последнее чудовищное надругательство.

Я продолжала снимать, но моя защита трещала по швам. Я вновь вернулась в суровую реальность. Машина превратилась в гору металлолома, дорога обледенела, и я понимала, что маршрут скоро может стать непроходимым. Руки занемели, уши тоже, и я стояла над телом, над трупом — истекающим кровью и омерзительным.

Совершенно одна. Я выключила камеру. Я понимала, что мне нужна помощь, но к кому обратиться?

Я не размышляла. Чемодан так и остался лежать в машине. Идти оказалось куда труднее, чем представлялось. Снегу было не много, но под свежевывпавшим слоем старый уже успел основательно смерзнуться, так что, преодолев всего несколько ярдов, я дважды едва не упала.

— Черт, — пробормотала я себе под нос, и в следующую секунду лодыжка подвернулась, ногу прострелила жгучая боль, я снова поскользнулась и на этот раз плюхнулась в мокрый снег.

Я сразу поняла, что ничего не сломала, но с досадой признала поражение. Оставалось только ждать. Я поковыляла обратно к машине.

Все это случилось час тому назад, может, два. Сложно сказать точнее. Температура упала еще ниже; дыхание повисает в воздухе перед моими глазами туманным облачком, потом развеивается. Кажется, салон машины сжимается вокруг меня все сильнее и сильнее, но окно не открыть, потому что снаружи слишком холодно. Я смотрю на звезды. Отыскиваю Бетельгейзе, пояс Ориона, пламенеющую Венеру. Я даю слово. Позволь мне выбраться отсюда — я развернусь и напрямик уеду в Лондон. К черту Четвертый канал, к черту Дэна, к черту фильм!

Впрочем, я понятия не имею, с кем торгуюсь. Точно не с Богом. Даже если Он и существует, то отвернулся от меня много лет назад. Как бы то ни было, ответа нет, лишь бессловесный ветер демонически завывает над торфяниками. Снег тихо падает и уже не тает на лобовом стекле. Зубы начинают стучать. В зеркале заднего

вида показывается машина, но она не останавливается; наверное, померещилось. Интересно, как я буду выглядеть, когда меня найдут? Заледеневшие губы, обындивевшие волосы, лицо все в мерзлых соплях, зато в обнимку с камерой, как будто нет ничего важнее. Умерла ради искусства, скажут они. Ха-ха-ха.

Я клюю носом, начиная соскальзывать во тьму, в мягкое обволакивающее черное ничто.

Но вовремя спохватываюсь. Нет уж, говорю я себе. Не для того я прошла через то, через что прошла, и достигла того, чего достигла, чтобы умереть здесь. И вообще, это не война и даже не ледяные просторы Аляски с ее сорокаградусными морозами. Это север Англии. Неподалеку отсюда толпятся перед ночными клубами подростки. На девицах по традиции из одежды только макияж, мини-юбки, туфли на высоченном каблучке да коротенькие топики. Парням повезло чуть больше; они одеты поплотнее, в джинсы и футболки, хотя тоже не тепло. Я отчетливо представляю эту тусовку, да что там, когда-то я вполне могла стоять среди них, дрожа не от холода, а от нетерпения. Предвкушая выпивку и танцы, смех и огни, приторный запах сухого льда и разогретых тел, трущихся друг от друга в темноте. Сигареты, водка. Таблетки и порошок.

Нет. Я не намерена околеть. Надо не дать себе уснуть, вот и все. Я всаживаю ногти в ладони — кажется, даже до крови, — и тут в зеркале заднего вида вижу свет.

Поначалу я думаю, что это снова лишь игра воображения, но потом оборачиваюсь и понимаю, что мне не померещилось. Над вершиной холма блеснули два луча. Спасение! На секунду мелькает мысль, что торг с высшими силами сработал, но как только машина появля-

ется на холме, я велю себе выбросить из головы этот бред. Совпадение, и ничего более.

Автомобиль осторожно приближается по скользкой дороге, но скорости не снижает. Я соображаю, что мой автомобиль не освещен, наполовину съехал в кювет и проглядеть его легче легкого. Еще не слишком поздно, но нужно торопиться. Нужно выйти. Смешно будет, если эта машина тоже попадет в аварию, вылетит с дороги и окажется в том же самом кювете. Надо остановить ее.

Я беру с приборной панели телефон и распахиваю дверцу. Холод бодрит, и я даже умудряюсь не поскользнуться. Размахиваю светящимся телефоном и кричу, и на этот раз удача мне улыбается. Машина замедляет ход, останавливается у обочины, и из нее выбирается высокий незнакомец. Мне немедленно вспоминаются женщины, которых я снимала на улицах, странные машины, притормаживающие в темноте, загадочные силуэты внутри. И никогда не поймешь заранее, что у этих людей на уме.

Что ж, думаю я, глядя, как он приближается. Посмотрим.

— У вас там все в порядке?

Ветер приглушает его голос, но звучит он вполне дружелюбно. Лица я различить пока не могу, но выдыхаю с облегчением.

— Н-не совсем. — Зубы начинают стучать, и я киваю в сторону разбитой машины. — Вы мне не можете?

Он делает шаг вперед и оказывается в свете фар своего автомобиля.

— Сломалась?

На вид ему лет тридцать, он высокий — очень высокий, хорошо так за шесть футов, — и худощавый. На нем квадратные очки в толстой оправе, лицо удлиненное, все черты какие-то угловатые. Улыбка его, хоть и теплая, кажется несколько настороженной. Сложением он напоминает мне Эйдана, моего друга из прошлого, и даже двигается он так же неуклюже. Я вспоминаю, как с Эйданом было весело, и немного расслабляюсь. С виду незнакомец достаточно безобиден, хотя мне ли не знать, как обманчива бывает внешность. Уж что-что, а это за первые несколько месяцев жизни в Лондоне я усвоила накрепко.

— Я вылетела с трассы. Там овца...

Он смотрит мимо меня на неподвижное существо, лежащее посреди дороги, — черную тень на льду, смутно различимую в темноте.

— Это вы ее сбили?

Я оглядываюсь. Голова, вывернутая под неестественным углом, направлена в нашу сторону. Она смотрит на нас. Она обвиняет. Это все ты, говорит она.

— Нет. Она была уже мертвая. Я ее не заметила.

Интересно, он мне верит? По выражению лица понять ровным счетом ничего невозможно, но он протягивает мне руку.

— Разрешите вам помочь, — произносит он. — Меня зовут Гэвин.

З

До меня запоздало доходит, кто он такой. Гэвин. Моя ассистентка Джесс искала среди местных того, кто мог бы распространить листовки с объявлением о встрече в деревенском досуговом центре, где я собиралась рассказать о своем проекте, а он был организатором тамошнего киноклуба и предложил свою помощь. По крайней мере, у нас схожие интересы.

— Алекс.

В его взгляде ни намек на узнавание; возможно, Джесс не упоминала мое имя.

— Надо бы пойти посмотреть на...

Он кивает в сторону мертвой овцы, явно не горя желанием о ней говорить.

— Спасибо.

Мы вместе приближаемся к туше, и он с фонариком в руке наклоняется над несчастным существом.

— Сильный был удар, — говорит он, и по его лицу пробегает тень беспокойства. — Все явно произошло очень быстро.

Я устремляю взгляд на животное. Черная лужа крови расплывается вокруг задней части тела, пятная белый снег.

— Нельзя ее здесь оставлять.

— Да, наверное, — вздыхает Гэвин, понурившись.

Мы присаживаемся на корточки и беремся за две ноги каждый, потом дружно тянем. Туша тяжелая, но по мерзлой дороге скользит относительно легко. Внутренности размазываются по снегу, и нас обдает волной зловония. Я задерживаю дыхание и косо поглядываю на хмурого Гэвина: он тоже не дышит; но миг спустя запах пропадает. Мы сваливаем тушу в канаву.

— Ладно, — говорит он, распрямляясь. — В каком состоянии ваша машина?

Я перешагиваю через окровавленные останки животного. Интересно, что он обо мне думает? Что я беспомощно жду спасителя и понятия не имею о машине, которой доверила свою безопасность? Я вглядываюсь в его лицо, но не вижу и тени подобных мыслей. Только желание помочь.

— Раздолбана, думаю. Нужно вызвать техпомощь. Здесь просто телефон не берет, а так я справлюсь.

Он качает головой:

— Послушайте, мой приятель поможет.

— Починит ее?

— Или отбуксирует. У него «рейнджровер».

«Рейнджровер»? Вспоминаю машину, которая проехала мимо. В свете фар я не успела ничего разглядеть — ни водителя, ни даже марку. Какой-то большой внедорожник.

— А он тут, случайно, не проезжал, этот ваш приятель? — спрашиваю я. — С полчаса назад.

— Нет, — смеется Гэвин. — Мы с ним только расстались. А что?

— Тут была еще одна машина. Вроде бы она собиралась остановиться, но поехала дальше.

- Вы уверены?
- Да. Но это не важно.

На мгновение мне кажется, что Гэвин хочет задать еще один вопрос, но, похоже, передумывает и спрашивает о другом:

- Куда вы ехали?
- В Блэквуд-Бей.

Он улыбается:

- Садитесь в машину. Я вас подброшу.

Он ведет практически в полном молчании, внимательно следя за заснеженной дорогой. Я гадаю, что он за человек, и ищу подсказки. В машине идеальная чистота, ни намек на мусор, которым завален салон моего авто; единственный признак того, что она не новая, — это пакетик лакричных палочек в подстаканнике между нашими сиденьями. В животе у меня урчит.

— Повезло мне, что вы проезжали мимо, — говорю я — скорее для того, чтобы прервать молчание.

Он улыбается. Я смотрю сквозь лобовое стекло вперед, в сторону Блэквуд-Бей. В черном небе отчетливо различимы созвездия. Вдалеке видна вспышка: луч маяка на Крэг-Хед прорезает низкую облачность. Я ближе, чем думала. И вновь мелькает мысль, что глупо было ехать сюда зимой. Впрочем, выбирать не приходилось. Через пару минут Гэвин слегка прибавляет газу. Фары выхватывают что-то из темноты — лучи на миг пронизывают мрак, но мы проезжаем мимо, и я не успеваю разглядеть, что это. Еще одна овца? Кролик? Олень? Даже размер точно определить невозможно: в этой темноте законы перспективы не работают. Гэвин выкручивает регулятор температуры.

— Никак не согреться?

Я уверяю, что все в порядке, и спрашиваю, откуда он родом.

— Ведь не из Блэквуд-Бей?

Вид у него становится озадаченный.

— Почему вы так в этом уверены?

— Из-за вашего говора. Вернее, из-за его отсутствия.

— А, ну да, — произносит он застенчиво. — Мои родители из Мерсисайда. Но мы переехали на юг, в Лондон.

— А теперь вы здесь.

— Да. Мне захотелось перемен. Я работал в Сити и в какой-то момент понял, что больше не могу. Дорога в офис, постоянный стресс... Ну, вы понимаете.

«Мне», отмечаю я. Не «нам». Вслух ничего не говорю. Я уже удостоверилась, что на безымянном пальце у него нет обручального кольца, хотя сама не знаю, зачем посмотрела. По привычке, наверное.

— И давно вы здесь живете?

— Почти год, ничего себе!

Он будто сам удивлен, что прошло столько времени. Можно подумать, приехал сюда на пару недель и застрял.

— Ну и как вам тут, нравится?

Говорит, нормально. Скучать некогда.

— А вы? Откуда вы? — спрашивает он.

— Из Лондона, — отвечаю я уклончиво. — Вы не женаты?

— Нет! — смеется Гэвин.

Он притормаживает перед слепым поворотом.

— Но родились вы не в Лондоне?..

Значит, от него тоже не укрылся мой говор. Ничего удивительного. Я почти избавилась от показательных особенностей произношения некоторых слов, но кое-что въедается намертво, как ни старайся. Видимо, у Гэвина тренированное ухо.

— В окрестностях Лидса, — говорю я.

— А, понятно. В гости приехали?

Теперь, когда вопрос задан, я не очень понимаю, как на него ответить. Вообще-то, я не хотела светиться. В конце концов, в мои планы не входило здесь появляться. Но мир неидеален, и скрываться всю жизнь у меня не получится.

— Вроде того, — отвечаю я. — Работаю здесь над фильмом.

— Я сразу подумал, что вы занимаетесь чем-то подобным! — смеется он. — И что вы делаете?

— Да так, то одно, то другое.

Некоторое время он ведет машину молча. Потом кашляет.

— Ну и о чем ваш фильм? — Он делает паузу. — О Зои?

При упоминании пропавшей девушки у меня перехватывает дыхание, но он ничего не замечает.

— Не совсем, — говорю я.

— Но вы же про нее знаете? И про Дейзи. Знаете?

Да, отвечаю. И думаю про всю ту подготовительную работу, которую проделала, и про наши беседы с Дэном. Пожалуй, я знаю даже слишком много.

— Но на самом деле это фильм про жизнь деревни, — небрежным тоном произношу я.

— Почему тогда именно здесь, если ваш фильм не имеет отношения к девочкам?